

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zermzc>

Концепция публичной дипломатии в российском и западном научном дискурсе

Ахроменко Семен Александрович

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

<https://orcid.org/0009-0005-4362-8150>

axromenko@mail.ru

Аннотация: Проблема неоднозначности термина *публичная дипломатия* в научном дискурсе затрудняет формирование теоретической базы и изучение данного феномена. Актуальность работы обусловлена необходимостью систематизации разнородных трактовок публичной дипломатии для повышения эффективности анализа ее практик. Новизна заключается в выявлении ключевых характеристик определений, их классификации по методологическим подходам (системный vs. практико-ориентированный) и школам (консервативная, либеральная, промежуточная), а также в сравнении российских и зарубежных исследовательских традиций. Цель – сформировать понятийную картину концепции *публичной дипломатии* посредством анализа 43 научных работ (2003–2023 гг.). Применен качественный контент-анализ с выделением пяти компонентов определений (сущность, субъект(ы), объект(ы), цель(-и), задачи) и трех вторичных характеристик (география, подход, школа). Определено, что 71,8 % авторов используют несистемные термины (*инструмент, процесс* и др.), тогда как системные (*политика, комплекс мер* и др.) встречаются в 28,2 % случаев. Выявлены значительные расхождения: российские исследователи чаще применяют системный подход (42,0 %) и консервативную школу (65,0 %), тогда как зарубежные авторы склоняются к практико-ориентированному подходу (92,0 %) и промежуточной школе (39,1 %). Установлена необходимость разработки универсальной теоретической базы, учитывающей контекстные различия, и расширения эмпирической базы для подтверждения выявленных тенденций. Результаты исследования создают основу для критического анализа литературы и конструктивного диалога о методах изучения публичной дипломатии России.

Ключевые слова: публичная дипломатия, терминология, теоретическая концептуализация, методология исследований, общественная дипломатия, пропаганда, мягкая сила, научный дискурс

Цитирование: Ахроменко С. А. Концепция публичной дипломатии в российском и западном научном дискурсе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 3. С. 357–369. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-3-357-369>

Поступила в редакцию 04.04.2025. Принята после рецензирования 29.05.2025. Принята в печать 02.06.2025.

full article

Concept of Public Diplomacy in Russian and Western Scientific Discourse

Semyon A. Akhromenko

National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0009-0005-4362-8150>

axromenko@mail.ru

Abstract: The term *public diplomacy* remains ambiguous in academic discourse. Its heterogeneous interpretations have to be systematized to enhance the analysis of its practices. This article offers such a classification of definitions based on different methodological approaches (systemic vs. practice-oriented) and schools (conservative, liberal, intermediate) in Russian and foreign research traditions. The review involved 43 publications (2003–2023). Their qualitative and quantitative content analysis focused on five definitional components (essence, subject, object, purpose, tasks) and three secondary characteristics (geography, approach, school). Quantitatively, 71.8% of the authors used non-systemic terms (*instrument, process*, etc.), while only 28.2% appealed to systemic ones

(*policy, set of measures, etc.*). The research revealed some significant discrepancies: Russian researchers mostly adopted the systemic approach (42.0%) and the conservative school (65.0%), whereas foreign scholars favored the practice-oriented approach (92.0%) and the intermediate school (39.1%). The conceptual landscape of public diplomacy needs a universal theoretical framework for all contextual differences to expand the empirical base and confirm the trends identified in this research. The findings provide a foundation for critical literature analysis and constructive dialogue on various methodologies applied to Russia's public diplomacy.

Keywords: public diplomacy, terminology, theoretical conceptualization, research methodology, civil diplomacy, propaganda, soft power, academic discourse

Citation: Akhromenko S. A. Concept of Public Diplomacy in Russian and Western Scientific Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(3): 357–369. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-3-357-369>

Received 4 Apr 2025. Accepted after review 29 May 2025. Accepted for publication 2 Jun 2025.

Введение

Концептуализация феномена *публичная дипломатия* началась относительно недавно. Несмотря на то что при исследовании данного феномена объяснения ученых о том, что они понимают под публичной дипломатией, а что к ней не относят, привносят необходимую ясность, такая практика размывает его границы и не способствует разработке теоретического фундамента. В связи с этим актуальной остается систематизация концептуальных противоречий, накопленных в исследовательском поле.

Так как идея введения единственной унифицированной трактовки слишком амбициозна, то цель статьи – сформировать понятийную картину концепции *публичной дипломатии* посредством анализа 43 научных работ (2003–2023 гг.). Для этого нам понадобится найти и рассмотреть имеющиеся определения публичной дипломатии; выявить наиболее и наименее используемые из них, а также закономерности в их применении; определить связи рассматриваемого феномена со смежными терминами (*общественная и цифровая дипломатия* и др.).

Попытки осмыслить разносторонние подходы к публичной дипломатии давно присутствуют среди исследователей:

- 1) в зарубежном научном дискурсе подробно представлена эволюция концепции *публичная дипломатия* [1–5];
- 2) в российском научном дискурсе рассмотрены особенности ее применения (при этом терминология уделяется мало внимания) [6–10];
- 3) представлены результаты дробления (вместо конструирования феномена) публичной дипломатии на модели, принципы, аспекты, измерения и предпринята попытка объяснить рассматриваемую концепцию через них [3; 5; 11; 12];
- 4) предпринята попытка объяснить публичную дипломатию через смежные с ней термины,

и исследовано ее проявление в мягкой силе, цифровой дипломатии и т. п. [13–16].

Наша же статья посвящена не истории понятия, а тому, что оно означает сегодня и какими связями со сторонними концепциями успело «обрасти».

Методы и материалы

Применен качественный контент-анализ, и использована двухэтапная процедура отбора источников (для сбора материалов). На первом этапе проведена идентификация наиболее упоминаемых авторов через анализ частоты цитирований в работах по публичной дипломатии. На втором – осуществлен анализ библиографических ссылок этих авторов в их обзорных работах, посвященных эволюции концепции публичной дипломатии, что позволило включить не только наиболее актуальные трактовки, но и те, которые сами авторы считают значимыми.

Для формирования корпуса текстов использована электронная библиотека eLibrary (поиск русскоязычной литературы), Cambridge University Press, Taylor & Francis Online, JSTOR и Scopus (поиск англоязычной литературы). Выполнены поисковые запросы по ключевому слову *публичная дипломатия*, а также комбинациям *публичная дипломатия + Россия, публичная дипломатия + ЕС / Европейский союз* (для англоязычных ресурсов *public diplomacy, public diplomacy + Russia, public diplomacy + EU / European Union* соответственно). Результаты фильтровались по параметру релевантности с последующим анализом минимум 20 публикаций по каждому запросу. В ходе предварительного анализа определен перечень наиболее цитируемых авторов, которые занимаются изучением теории публичной дипломатии: среди отечественных исследователей выделены такие, как Т. В. Зонова, А. И. Кубышкин

и Н. А. Цветкова, М. М. Лебедева, А. А. Великай, среди зарубежных – Б. Грегори, Э. Гильбоа, Н. Дж. Кул. На основе обзоров трудов указанных авторов [4; 5; 17–21] сформирован массив из 43 текстов (российские – 20; зарубежные – 23¹), опубликованных в 2003–2023 гг. В массив вошли только те тексты, в которых давалось четкое определение термина *публичная дипломатия*.

Качественный контент-анализ осуществлялся по многоуровневой схеме:

I этап (выделение характеристик первого уровня). Структурная декомпозиция каждого определения с выделением пяти базовых компонентов:

- сущность феномена определяет концептуальную рамку, например квалификацию публичной дипломатии как системы институтов, инструмента или процесса;
- субъект(ы) идентифицирует ключевых акторов, ответственных за формирование диалога;
- объект(ы) фиксирует адресатов воздействия;
- цель(-и) раскрывает стратегические мотивы реализации программ;
- задачи конкретизируют методы достижения целей.

Для описания данной методики возьмем в качестве примера первое определение публичной дипломатии Э. А. Галлиона, датируемое 1966 г.: «средства, с помощью которых правительства, частные группы и отдельные лица влияют на позиции и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказывать влияние на их внешнеполитические решения»². Структура этого определения будет выглядеть следующим образом: сущность – средства; субъекты – правительства, частные группы, отдельные лица; объекты – зарубежные народы, зарубежные правительства; цель – влияние на внешнеполитические решения; задачи – влияние на позиции, влияние на мнения.

II этап (выделение характеристик второго уровня). Структурная декомпозиция каждого определения с выделением трех базовых компонентов:

1. *География* отражает страновую принадлежность автора, определяемую через его институциональную аффилиацию. Критерий выбора основан на официальной связи исследователя с академическими или профессиональными организациями конкретного государства.

2. *Подходы* представлены категориями *системный – практико-ориентированный*. За основу взяты

рассуждения экспертного обзора [8], где противопоставляются американская и российская модели. Они отличаются по характеристике двух компонентов: сущность (*система – направление работы*) и объект (широко трактуемые зарубежные общества – конкретные целевые аудитории, под которыми понимаются представители политических и деловых элит, медиасообщества, гражданского сектора, молодые лидеры, эксперты). Неочевидная связь между географией авторов и их методологическими предпочтениями, выявленная в ходе предварительного анализа, потребовала терминологической корректировки. Вместо этноцентричных ярлыков *американский – российский* введены такие нейтральные категории, как системный подход, в котором делается акцент на структурной целостности феномена (использование терминов *система, политика, комплекс мер* и т. д.), и практико-ориентированный подход с фокусом на операционных аспектах (использование терминов *усилия, инструмент, процесс* и др.).

Ключевым дифференцирующим фактором избрана исключительно характеристика сущности феномена. Компонент интерпретации объекта исключен из классификационной схемы – формулировки объектов у авторов сильно варьируются. Это делает методологически несостоительной их категоризацию по бинарной модели *зарубежные общества – конкретные целевые аудитории*, предложенной Российским советом по международным делам. Таким образом, формулировка *подхода* позволяет преодолеть ограничения исходной модели, обеспечив большую универсальность при анализе академических текстов.

3. *Школа* имеет три варианта категоризации: либеральная, консервативная и промежуточная. Идентификация принадлежности к школе осуществлялась через качественный анализ таких характеристик первого уровня, как субъект(ы), объект(ы), задачи. К либеральной школе относится признание роли негосударственных субъектов и ориентация на двустороннюю коммуникацию. К консервативной – акцент на доминировании государственных акторов и односторонней коммуникационной модели (трансляция позиций без диалога). Промежуточная школа включает определения с гибридными трактовками, сочетающие элементы обеих парадигм.

Рассмотрим особенности этой декомпозиции на примере анализа уже ранее приводимого определения Э. А. Галлиона: география – США (на тот

¹ Примерно равное разделение географической аффилиации на российские и зарубежные тексты случайно и не продумывалось автором заранее. При этом следует уточнить, что работа [21] представляет собой совместный труд авторов из России и США.

² Definitions of Public Diplomacy. The Edward R. Murrow Center of Public Diplomacy. URL: <https://web.archive.org/web/20100617004930/http://fletcher.tufts.edu/murrow/pd/definitions.html> (accessed 4 Mar 2025). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

момент Э. А. Галлион занимал пост декана в Школе права и дипломатии им. Флетчера при Университете Тафтса); подход – практико-ориентированный, поскольку *средства* ближе к этому подходу, нежели к системному; школа – промежуточная, т.к. Э. А. Галлион, с одной стороны, относит к субъектам негосударственных акторов, но с другой – трактует взаимодействие в рамках публичной дипломатии как одностороннее влияние на позиции и мнения.

Таким образом (посредством выделения характеристик первого и второго уровня) были проанализированы все определения. Специальный протокол применялся только к тем текстам, в которых публичная дипломатия отождествлялась с пропагандой. Для таких случаев вводились фиксированные характеристики: сущность – пропаганда, субъекты – государства, подход – системный, школа – консервативная; география заполнялась по общим правилам; объект(ы), цель(-и) и задачи не заполнялись. Если в базе оказывалось несколько определений одного и того же автора, то мы оставляли только те, что отличались друг от друга по характеристикам *подход* или *школа*.

Сбор смежных терминов осуществлялся по тому же массиву текстов. Для определения их иерархии использовался качественный анализ собранных текстов, а по необходимости – анализ дополнительной литературы.

Результаты

Собранные данные

В таблице представлена структурная декомпозиция каждого определения с выделением пяти базовых компонентов. Полученные данные указывают на то, что при характеристике сущности публичной дипломатии большинство авторов предпочитают использовать термины, не предполагающие системного подхода (71,8 %). Значительно реже встречаются понятия, указывающие на системный характер феномена (28,2 %).

Все исследователи в той или иной форме упоминают в качестве субъекта публичной дипломатии государство (100,0 %). При этом в 40,0 % определений отмечается участие негосударственных акторов.

В отношении объектов публичной дипломатии преобладает указание на широкую общественность (80,6 %). Значительно реже в качестве объектов выделяются правящие круги (11,1 %) и другие категории, например неофициальные группы, организации, индивиды (8,3 %).

Наиболее распространенными целями публичной дипломатии оказались формулировки, связанные с продвижением и достижением внешнеполитических задач (42,4 %). На втором месте по частоте упоминания находятся цели, связанные с работой с общественным мнением (30,5 %). Третью позицию занимают цели, направленные на влияние

Табл. Качественный контент-анализ определений публичной дипломатии

Tab. Qualitative content analysis of definitions of public diplomacy

Характеристика	Группа	Формулировки	Частота, %
Сущность феномена	Несистемные термины	усилия, инструмент, процесс, попытки, набор мероприятий, совокупность шагов, программы, способность, средства, совокупность действий, деятельность, практика, способ, коммуникация	71,8
	Системные термины	пропаганда, система (институтов и механизмов), комплекс (методов, средств и мер), политика, аппарат	28,2
Субъекты	Государственные	государства, ассоциации государств, правительства, министерство иностранных дел, международные акторы и страны (как наиболее широкие понятия)	100,0
	Негосударственные	негосударственные акторы, субгосударственные акторы, компании / организации, частные группы, частные лица, СМИ, международные акторы и страны (как наиболее широкие понятия)	40,0
Объекты	Широкая общественность	зарубежные общества, зарубежные / глобальные аудитории, народы	80,6
	Правящие круги	правительства, государства, правящие круги	11,1
	Другие	неофициальные группы, организации, индивиды	8,3

Характеристика	Группа	Формулировки	Частота, %
Цели	Внешнеполитические задачи	продвижение своих интересов, продвижение внешней политики, реализация политических, дипломатических, военных, экономических задач, расширение национальной безопасности	42,4
	Работа с общественным мнением	продвижение своих ценностей, защита целей внешней политики, повышение привлекательности внешнеполитической стратегии, обеспечение понимания внешней политики, формирование имиджа и положительной репутации, продвижение понимания (себя), влияние на общественное мнение и позиции	30,5
	Влияние на действия государств	влияние на принятие и исполнение внешнеполитических решений, влияние на политику, влияние на официальный курс, воздействие	16,9
	Равноправное взаимодействие	взаимодействие, коммуникация, расширение диалога	5,1
	Управление международной средой	создание благоприятных условий, управление международной средой	5,1
Задачи	Работа с общественным мнением	влияние на мнения / взгляды / позиции / настроения / мысли, создание привлекательного образа / имиджа, обеспечение понимание себя (идолов, институтов, культуры), влияние, убеждение	32,0
	Равноправное взаимодействие	взаимодействие, установление диалога / контактов, расширение диалога между гражданами, коммуникация, культурные, научные, образовательные обмены	20,4
	Информирование	информирование, сопровождение, разъяснение внешней политики, создание международных медиаструктур, распространение дезинформации	18,4
	Управление международными отношениями	строительство отношений, управление отношениями, поддержание / расширение / укрепление отношений	12,6
	Исследовательские	получение обратной связи, изучение, понимание культур, позиций, поведений	11,7
	Прямое воздействие	призыв к действиям, влияние на действия, воздействие	3,9
	Выработка внешней политики	участие в разработке внешнеполитических решений	1,0

на действия государств (16,9 %). Наименее представленными оказались цели равноправного взаимодействия и управления международной средой (по 5,1 % соответственно).

В перечне задач публичной дипломатии наиболее часто встречаются формулировки, связанные с работой с общественным мнением (32,0 %). На втором месте находятся задачи по установлению равноправного взаимодействия (20,4 %). Третью позицию занимают задачи информирования (18,4 %). Четвертое место принадлежит задачам управления международными отношениями (12,6 %). На пятом находятся исследовательские задачи (11,7 %). Наименее

представленными оказались задачи прямого воздействия (3,9 %) и выработка внешней политики (1,0 %).

В ходе анализа характеристик второго уровня установлено, что наибольшая доля авторов (45,2 %) демонстрирует приверженность консервативной школе, промежуточная позиция характерна для 35,7 % ученых, тогда как либеральная школа представлена 19,0 % авторов. Кроме того, наблюдается явное доминирование практико-ориентированного подхода (76,2 %), в то время как системный подход используется значительно реже (23,8 %).

Также российские и зарубежные авторы чаще придерживаются практико-ориентированного подхода

(58,0 и 92,0 % соответственно), но в последнем случае – со значительным перевесом. Российские авторы больше привержены консервативной школе (65,0 %), далее идут промежуточная (18,0 %) и либеральная (1,0 %). Зарубежные авторы преимущественно выбирают промежуточную школу (39,1 %), затем отдают предпочтение консервативной и либеральной (по 30,4 % соответственно).

Из смежных терминов были отобраны *пропаганда, народная дипломатия, общественная дипломатия, мягкая сила, новая публичная дипломатия, стратегическая коммуникация, гуманитарное сотрудничество, культурная дипломатия, спортивная дипломатия, дипломатия знаний, церковная дипломатия, бизнес-дипломатия, дипломатия СМИ, цифровая дипломатия (публичная дипломатия 2.0), дипломатия данных, брендинг.*

Интерпретация данных

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько ключевых выводов:

1. Российские исследователи значительно чаще (42,0 % от всех проанализированных российских авторов) применяют системный подход в изучении публичной дипломатии, тогда как их зарубежные коллеги практически не используют данную методологическую перспективу (8,0 % от всех проанализированных зарубежных авторов). Еще более показательной представляется выявленная взаимосвязь между школами и подходами. В частности, представители либеральной школы (и отечественные, и зарубежные исследователи) полностью избегают системного подхода. Приверженцы консервативной школы используют его несколько чаще (31,6 %), нежели приверженцы промежуточной школы (26,7 %). Однако разница между этими показателями не является существенной.

Таким образом, ученые, которые придерживаются государственно-центричной модели публичной дипломатии и односторонней коммуникационной парадигмы, чаще склонны рассматривать публичную дипломатию как систему механизмов и институтов, создаваемых, поддерживаемых и координируемых государством. В то же время исследователи, акцентирующие внимание на расширенной субъектности публичной дипломатии и принципах равноправного взаимодействия, не рассматривают данный феномен как систему – даже в ее децентрализованных формах.

2. Все авторы, независимо от приверженности определенным подходам или школам, единодушно признают государство в качестве ключевого субъекта публичной дипломатии. Различия проявляются

преимущественно в трактовке роли дополнительных участников этого процесса: неправительственных организаций, международных структур и других негосударственных акторов. Особого внимания заслуживает специфика российского подхода, где сформировалось уникальное понимание публичной дипломатии, реализуемой негосударственными институтами, что привело к концептуальному выделению так называемой *общественной дипломатии*.

В американской научной традиции общественная дипломатия рассматривается как составная часть публичной дипломатии, тогда как в российской практике долгое время преобладала тенденция их концептуального разделения. Это разграничение основывалось на предположении, что проекты общественной дипломатии лишены политической целеполагающей составляющей [8]. Подобная дихотомия привела к тому, что значительный пласт дипломатической деятельности, осуществляемой государством опосредованно через некоммерческие организации, оказался исключен из исследовательского поля.

Современные исследователи демонстрируют тенденцию к более целостному пониманию феномена. Однако сохраняющаяся неготовность части российских ученых включать негосударственные структуры в число субъектов публичной дипломатии может быть объяснена именно укоренившейся традицией их концептуального разграничения.

3. Установлено значительное разнообразие в понимании объекта публичной дипломатии, однако все концепции объединяет один ключевой признак – объект практически всегда определяется как зарубежный и значительно реже как глобальный. Этот аспект приобретает особую важность при рассмотрении дискуссий о *новой публичной дипломатии*, которые активно развивались в 2000-х гг. и предполагали стирание четких границ между международной и внутренней информационной деятельностью [5]. Тем не менее подобная концепция не получила широкого распространения в академическом сообществе.

4. В ходе анализа формулировок целей в определении публичной дипломатии выявлена некоторая терминологическая неоднозначность (табл.). Вторая по значимости группа *работа с мнениями* (уступающая лидирующей категории *внешнеполитические задачи*), на первый взгляд, скорее описывает операционные задачи, нежели стратегические цели. Формулирование *формирования имиджа и положительной репутации* в качестве конечной цели представляется методологически некорректным, поскольку в таком случае коммуникационная деятельность, составляющая основу практики публичной дипломатии, приобретает характер самоцели.

Данную особенность можно интерпретировать как следствие влияния либеральной школы, элементы которой прослеживаются и в промежуточной школе. Если консервативная школа рассматривает публичную дипломатию преимущественно как инструмент решения конкретных внешнеполитических задач и воздействия на политику других государств, то либеральный подход склонен включать *работу с общественным мнением и равноправное взаимодействие* в категорию стратегических целей. Это объясняется ориентацией либеральной школы на долгосрочные эффекты дипломатического взаимодействия, где формирование благоприятного информационного фона и установление устойчивых коммуникационных каналов рассматриваются как самостоятельные ценности, а не только как средства достижения сиюминутных политических результатов.

5. Анализ задач демонстрирует значительный акцент на двусторонних формах коммуникации (хотя и не всегда симметричных). В рамках нашего исследования к односторонней модели коммуникации относятся такие группы задач, как *информирование и прямое воздействие*, которые в совокупности составляют лишь 22,3 % от общего массива. Двусторонняя асимметричная модель представлена группами *работу с общественным мнением и исследовательские задачи* (в сумме 43,7 %), тогда как двусторонняя симметричная модель включает *равноправное взаимодействие и управление международными отношениями* (в сумме 38,8 %).

С одной стороны, такое распределение может свидетельствовать о стремлении авторов следовать современному тренду, который рассматривает двустороннюю коммуникацию как более прогрессивную модель по сравнению с пропагандистскими методами времен холодной войны [22]. Особого внимания в этом контексте заслуживает задача *участие в разработке внешнеполитических решений*, которая предполагает вовлечение дипломатических структур в процесс формирования внешнеполитического курса. Однако следует отметить, что подобные примеры трудно найти в реальной практике – дипломатические ведомства традиционно выступают скорее исполнителями, чем разработчиками политики. Кроме того, в проанализированных определениях такая формулировка единична.

В ходе исследования возникла важная методологическая проблема, связанная с соотношением понятий

публичной дипломатии и пропаганды. Некоторые авторы сознательно избегают давать четкие определения публичной дипломатии, рассматривая ее как своеобразный эвфемизм пропаганды [13]. Характерным примером подобного подхода является следующее пояснение к публичной дипломатии: «Не путать с открытой или парламентской дипломатией – термином, возникшим в конце XX в., для обозначения пропаганды, проводимой дипломатами»³.

Анализ связи публичной дипломатии со смежными понятиями позволяет разделить последние на две группы:

I. Термины, которые используются в академических работах как синонимы публичной дипломатии или охватывают схожие области, т. е. представляют собой фактически взаимозаменяемые термины (хотя, на наш взгляд, такая замена часто неуместна).

Пропаганда. Истоки публичной дипломатии связывают с пропагандой, однако их соотношение трактуется неоднозначно: одни авторы предлагают включать в определение публичной дипломатии не только пропаганду, но и академические обмены, культурные и образовательные программы США⁴ [18], другие – прямо называют публичную дипломатию эвфемизмом пропаганды [23; 24].

Сложность термина *пропаганда* в русском языке связана с его амбивалентностью. Хотя в контексте влияния на зарубежные аудитории он чаще несет негативный оттенок, сочетания вроде *пропаганда культуры* воспринимаются общественностью нейтрально. Л. В. Лойко, например, трактует пропаганду как информационно-культурную деятельность диппредставительств, синонимичную публичной дипломатии, которая направлена на формирование позитивного имиджа государства [25]. Однако чаще подчеркивается дискредитирующий характер данного термина, используемого для критики дипломатии отдельных стран [21].

Эволюция понятия публичной дипломатии после холодной войны стала ключевым аргументом для разграничения пропаганды и публичной дипломатии [1]. Как отмечает О. В. Лебедева, изначально публичная дипломатия охватывала пропагандистскую деятельность против идеологических противников, но с распадом bipolarной системы ее понимание сместилось в сторону мягкой силы, основанной на привлекательности, а не навязывании [26].

Критерии дифференциации варьируются. Так, термины можно разделить по субъекту – пропаганда

³ Berridge G. R., James A. Public diplomacy. A dictionary of diplomacy. 2nd ed. Houndsills; NY: Palgrave Macmillan, 2003. URL: https://kamudiplomasisi.org/pdf/kitaplar/_adictionaryofdiplomacy.pdf (accessed 4 Mar 2025).

⁴ Такой подход породил мнение о том, что понятие публичной дипломатии служит для «отмывания» методов внешней политики.

якобы проводится государством, тогда как публичная дипломатия допускает негосударственных акторов [27]; по инструментам – публичная дипломатия якобы избегает дезинформации [27]; по задачам – публичная дипломатия якобы играет конструктивную роль («строительство мостов») в противовес пропаганде, направленной на дискредитацию других акторов [28].

Несмотря на разграничения некоторые авторы признают взаимосвязь этих терминов. Например, Т. В. Зонова отмечает, что публичная дипломатия сохраняет потенциал пропагандистских методов, но ориентирована на открытый диалог [17].

Народная дипломатия – термин, возникший в советский период, обозначал международное сотрудничество через взаимодействие граждан и общественных организаций [8]. В современной науке признается устаревшим, концептуально близким к *общественной дипломатии*, что может отражать пересмотр наследия советской школы [8; 25; 26; 29; 30].

Общественная дипломатия рассматривается как узкое понятие, охватывающее деятельность неправительственных организаций на международной арене⁵. В научной литературе наблюдаются противоречивые трактовки. Встречается как синонимизация (когда общественную дипломатию отождествляют с публичной либо не разделяя термины, либо считая разницу в терминах чисто переводческой [17; 18; 31]), так и дифференциация (по субъектам – исключение государственных проектов [26]; по объектам – общественная дипломатия якобы нацелена на гражданское общество, а не на экспертные сообщества (иногда выделяется *экспертная дипломатия*) [8; 26; 28]; по целям – у общественной дипломатии якобы отсутствует политическое целеполагание [8; 26]).

Критический анализ допускает, что выделение общественной дипломатии отражает попытки деконструировать государственную монополию на публичную дипломатию. Однако даже при общественной природе такая деятельность служит проводником национальных интересов, сохраняя связь с государственными стратегиями [28].

Мягкая сила, согласно концепции Дж. Ная, определяется как достижение целей через привлекательность политических ценностей, культуры

и внешнеполитического имиджа. Публичная дипломатия же рассматривается в качестве инструмента реализации мягкой силы [16; 19; 26; 32–35]. Иногда выделяется умная сила – концепция, сочетающая мягкую и жесткую силу. Согласно некоторым оценкам, именно она легла в основу американской *новой публичной дипломатии*, где привлекательность дополняется элементами давления [18], но чаще *новую публичную дипломатию* все-таки связывают с процессами цифровизации.

Новая публичная дипломатия – сложный термин, отражающий трансформации в дипломатической практике из-за влияния цифровизации [18], многоакторности [36], ориентации на мягкую силу [18], синтеза внутреннего и внешнего дискурса [37]. Однако последняя идея не получила широкого распространения, а Э. Гильбоа и вовсе считает подобную дискуссию непродуктивной [5].

Стратегическая коммуникация – термин, заимствованный из военных исследований, иногда ошибочно отождествляемый с публичной дипломатией⁶ [9; 10; 19; 38]. Б. Грегори трактует его как синхронизацию вербальных и практических аспектов внешней политики [39], однако такая интерпретация не получила широкого распространения. Как и пропаганда, термин может использоваться для дискредитации дипломатических практик отдельных государств.

Гуманитарное сотрудничество – широкое понятие, которое охватывает международное взаимодействие в сферах культуры, науки, образования, спорта, а также оказание экономической помощи [17; 26; 28; 40]. В отличие от дискурсивных методов, акцент делается на практических действиях, что, по мнению И. Вершинина, усиливает долгосрочный эффект за счет сочетания коммуникации с конкретными инициативами [41]. В российской практике термин имеет концептуальную проработку⁷ и фактически включает элементы публичной дипломатии.

II. Термины, которые обозначают отдельные инструменты публичной дипломатии.

Культурная дипломатия рассматривается как компонент мягкой силы [26] или публичной дипломатии [18; 28; 42; 43], хотя соотношение *культурная – публичная дипломатия* остается дискуссионным. Эти два понятия можно разделить по субъекту – культурным диалогом якобы занимаются

⁵ Долинский А. В. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? РСМД. 12.09.2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/> (дата обращения: 04.03.2025).

⁶ Strategic communications: East and South. Paris: EU Institute for Security Studies, 2016. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUSSIFiles/Report_30.pdf (accessed 4 Mar 2025).

⁷ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 04.03.2025).

преимущественно негосударственные акторы [26]; по целям – эта деятельность якобы ориентирована на обмен, а не на государственные задачи (иногда это разделение подчеркивается терминами *внешняя культурная политика* – с политическими целями и государственными субъектами – и контрастным ему *культурным сотрудничеством*) [28; 18]. В культурной дипломатии также выделяют направления *языковой, музейной* [28], *выставочной* [24; 43] дипломатии и т.д.

Спортивная дипломатия трактуется как часть публичной дипломатии, которая реализуется через международные спортивные мероприятия [28; 44]. Субъекты – государственные структуры, спортивные федерации, спортсмены. Цель – достижение внешне-политических задач через спортивные достижения и мероприятия.

Дипломатия знаний – компонент публичной дипломатии, акцентирующий роль образования в формировании позитивного имиджа государства [18; 26; 28; 37; 43]. А. А. Великая отмечает влияние американских университетов как *лабораторий демократии* [28], а А. Фоминых выделяет обмены как наиболее диалоговую форму публичной дипломатии [45].

Церковная дипломатия – малораспространенное направление, охватывающее межконфессиональный диалог [28]. Ввиду того, что такой диалог не ограничивается христианством, перспективно было бы использовать термин *религиозная дипломатия*. Соотношение с публичной дипломатией оценить трудно.

Бизнес-дипломатия слабо связана с публичной дипломатией из-за экономической специфики. Фокусируется на продвижении национальных брендов и привлечении инвестиций (например, через форумы под эгидой Фонда Росконгресс) [28]. Характеризуется минимальным политическим целеполаганием и доминированием рыночных интересов.

Дипломатия СМИ трактуется как часть публичной [18; 26; 28; 42; 43; 46; 47] или культурной [26] дипломатии, включая цифровые инструменты. Т. В. Зонова связывает ее с пропагандой [17], а А. А. Великая отмечает маргинальность в российском научном дискурсе [28]. Ключевые функции: обмен позициями, символические жесты, коммуникация через интернет-платформы.

Цифровая дипломатия (публичная дипломатия 2.0) – широкое понятие, которое охватывает применение цифровых технологий в публичной

дипломатии [14; 42; 48–52], в том числе узкие формы (*твиттер-дипломатия, фейсбук-дипломатия*⁸). Цифровую дипломатию можно рассматривать и как элемент мягкой силы [26], и как качественно новый этап, сменивший традиционную дипломатию (новая публичная дипломатия) [13]. Иногда также говорят о *дипломатии данных*. Она подразумевает использование анализа больших данных для оптимизации цифровых дипломатических инструментов, включая оценку эффективности пропаганды [13; 23].

Брендинг – маркетинговая концепция, адаптированная для управления международным имиджем государства [28; 36]. Иногда связывается не только с инструментами публичной дипломатии, но и мягкой силы, гуманитарного сотрудничества [28; 53]. Однако М. М. Лебедева критикует попытки использования маркетинговой концепции в международных отношениях [19].

Примерная иерархия наиболее актуальных терминов представлена на рисунке, составленном исходя из вышеизложенного анализа. Стоит признать, что в зависимости от контекста и подхода изображенные на нем связи могут трактоваться иначе.

Заключение

В ходе исследования актуализирована дискуссия о неоднозначности термина *публичная дипломатия*, систематизирована его вариативность. Различия в определении термина обусловлены не только научными подходами авторов, но и их страновой аффилиацией. В настоящий момент собрать все трактовки в одну универсальную формулу – крайне затруднительная задача.

Вместе с тем систематизированы ключевые аспекты дискуссии о публичной дипломатии. В отличие от работ, фокусирующихся на исторической эволюции термина (что зачастую приводит к усложнению его использования в эмпирических исследованиях), в данной статье выявлены доминирующие трактовки в современном научном дискурсе, детализированы их концептуальные различия и контекстуальные особенности. Кроме того, предложен методологический инструментарий для структурированного анализа существующих интерпретаций, что способствует их более точной дифференциации.

Выявлено значительное расхождение российской и зарубежной науки в осмыслинении публичной дипломатии. Это сказывается и на соразмерной представленности в русскоязычном научном дискурсе

⁸ Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram* и онлайн-мессенджером *WhatsApp*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook, Instagram and WhatsApp Messenger, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

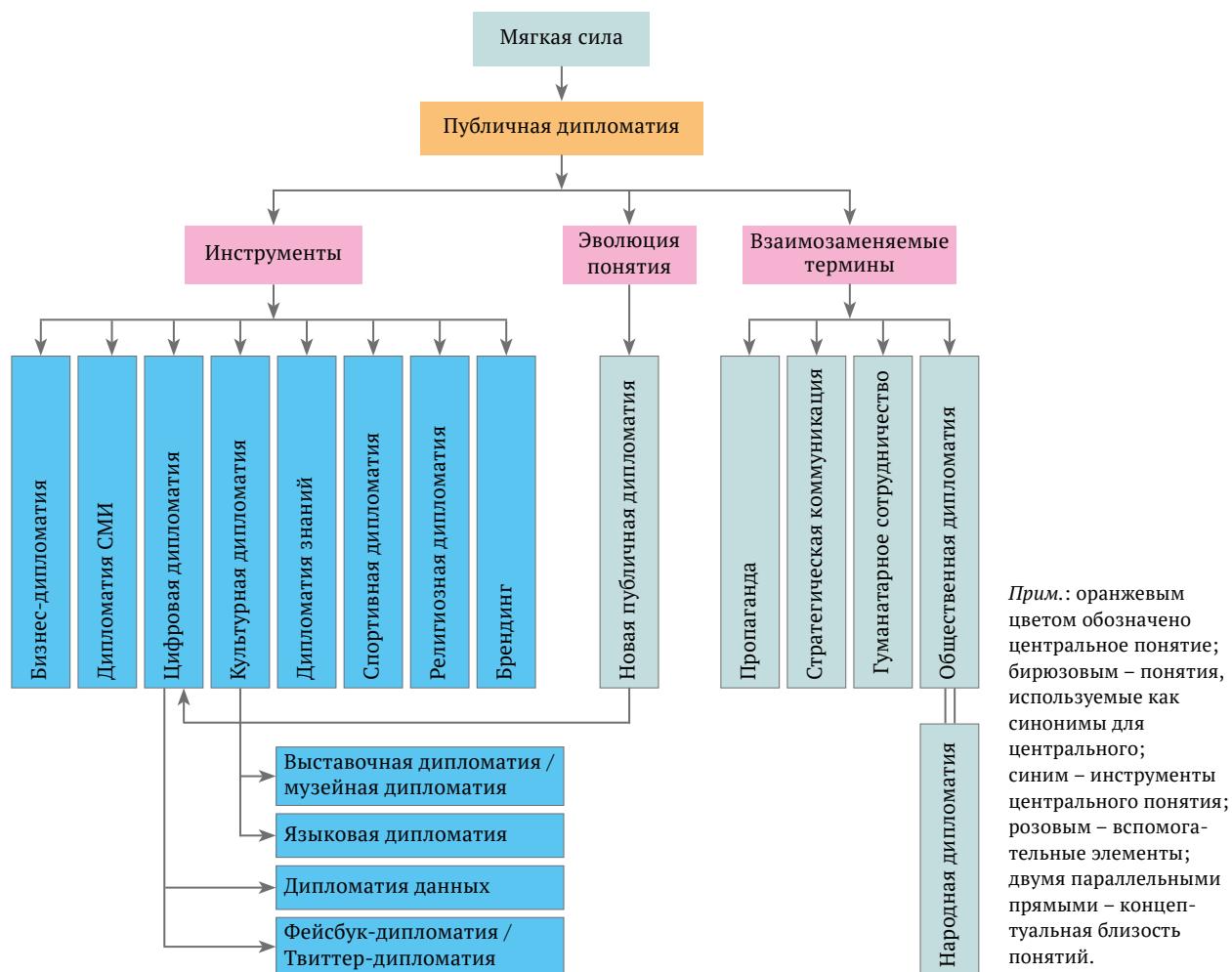

Рис. Иерархия публичной дипломатии и смежных с ней понятий
Fig. Hierarchy of public diplomacy and related terms

системного и несистемного подходов, и на особом понимании публичной дипломатии, проводимой негосударственными акторами. Такая особенность требует от ученых дополнительного критического фильтра при работе с литературой по теме исследования. Более того, выявленные противоречия в формулировке целей и задач публичной дипломатии заслуживают не меньшего внимания, чем проблема субъекта.

Наконец, актуализирована необходимость формирования теории для изучения публичной дипломатии в российской политico-культурной парадигме. Одним из важнейших элементов такой теоретической базы должна стать дискуссия о целях публичной дипломатии. Понимание последних является наиболее важным элементом в исследованиях эффективности публичной дипломатии. Несмотря на значительный объем зарубежных исследований в данной

области, кросс-культурные различия и институциональная специфика создают риски некритического переноса западных концептуальных моделей, которые могут оказаться неприменимы в условиях российских реалий. Настоящая работа предлагает фундамент для формирования методологического аппарата, релевантного локальному контексту, что открывает перспективы для дальнейшей академической дискуссии о принципах анализа публичной дипломатии России.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Бахриев Б. Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2017. № 1. С. 131–147. [Bahriev B. H. Public diplomacy in contemporary research discourse. *Bulletin of TSULBP. Series of Social Sciences*, 2017, (1): 131–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugrpwpb>
2. Долинский А. В. Дискурс о публичной дипломатии. *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1. С. 63–73. [Dolinskij A. V. Public diplomacy discourse. *International Trends*, 2011, 9(1): 63–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohioin>
3. Cull N. J. *Public diplomacy: Lessons from the past*. Los Angeles: Figueroa, 2009, 62.
4. Gregory B. Public diplomacy: Sunrise of an academic field. *ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, 616(1): 274–290. <https://doi.org/10.1177/0002716207311723>
5. Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy. *ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, 616(1): 55–77. <https://doi.org/10.1177/0002716207312142>
6. Боришполец К. П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития. *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 5. С. 42–55. [Borishpolets K. P. Public diplomacy in EEU region: Understanding the phenomenon and its development. *MGIMO Review of International Relations*, 2015, (5): 42–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxabyy>
7. Бурлинова Н. В. Публичная дипломатия России: практика и проблемы становления. *Вестник Аналитики*. 2014. № 3. С. 28–35. [Burlinova N. V. Public diplomacy in Russia: Practice and problems of establishment. *Vestnik Analitiki*, 2014, (3): 28–35. (In Russ.)]
8. Бурлинова Н. В., Василенко П. И., Иванченко В. С., Шакиров О. И. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России. Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018–2019 гг. М.: РСМД, 2020. 58 с. [Burlinova N. V., Vasilenko P. I., Ivanchenko V. S., Shakarov O. I. *Ten steps to efficient public diplomacy in Russia. Expert review of Russian public diplomacy in 2018–2019*. Moscow: RIAC, 2020, 58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/btvzuu>
9. Лебедева М. М. Развитие социальной и гуманитарной проблематики в международных исследованиях: российский ракурс. *Вестник МГИМО-Университета*. 2018. № 1. С. 7–25. [Lebedeva M. M. Social and humanitarian issues in international studies: The Russian perspective. *MGIMO Review of International Relations*, 2018, (1): 7–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-7-25>
10. Tsvetkova N., Rushchin D. Russia's public diplomacy: From soft power to strategic communication. *Journal of Political Marketing*, 2021, 20(1): 50–59. <https://doi.org/10.1080/15377857.2020.1869845>
11. Leonard M., Stead C., Smewing C. *Public diplomacy*. London: The Foreign Policy Centre, 2002, 183.
12. Yun S.-H. Toward public relations theory-based study of public diplomacy: Testing the applicability of the excellence study. *Journal of Public Relations Research*, 2006, 18(4): 287–312. https://doi.org/10.1207/s1532754xjprr1804_1
13. Кузнецов Н. М., Цветкова Н. А. Дипломатия данных России: цели, тенденции, прогнозы. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2022. № 1. С. 26–40. [Kuznetsov N. M., Tsvetkova N. A. Russian data diplomacy: Goals, trends, perspectives. *RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2022, (1): 26–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dwgcug>
14. Марчуков А. Н. «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2014. № 4. С. 104–113. [Marchukov A. N. Public diplomacy 2.0 as a tool of foreign political activity. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2014, (4): 104–113. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.10>
15. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 3. С. 212–223. [Lebedeva M. M. Soft power: The concept and approaches. *MGIMO Review of International Relations*, 2017, (3): 212–223. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
16. Nye J. S. Public diplomacy and soft power. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, 616(1): 94–109. <https://doi.org/10.1177/0002716207311699>
17. Зонова Т. В. Дипломатия: модели, формы, методы. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2017. 348 с. [Zonova T. V. *Diplomacy: Models, forms, and methods*. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press, 2017, 348. (In Russ.)]
18. Кубышкин А. И., Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. 271 с. [Kubyshkin A. I., Tsvetkova N. A. *U.S. public diplomacy*. Moscow: Aspekt Press, 2013, 271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdtxr>

19. Лебедева М. М. Концептуальные перевоплощения публичной дипломатии. *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. Т. 13. № 5. С. 293–306. [Lebedeva M. M. Conceptual transformations of public diplomacy. *MGIMO Review of International Relations*, 2020, 13(5): 293–306. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306>
20. Cull N. J. Public diplomacy before Gullion: The evolution of a phrase. *Routledge handbook of public diplomacy*, eds. Snow N., Cull N. J. 2nd ed. NY: Routledge, 2020, 13–18.
21. *Russia's public diplomacy: Evolution and practice*, eds. Velikaya A. A., Simons G. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, 285. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-12874-6>
22. Löffelholz M., Auer C., Krichbaum S., Srugies A. Advancing public diplomacy from a global citizenship perspective: An empirical study on how state and non-state actors address foreign citizens in a globalised world. *Vietnam Social Sciences*, 2017, (1). URL: <https://vjol.info.vn/index.php/VSS/article/view/28527> (accessed 4 Mar 2025).
23. Кузнецова Н. М. Дипломатия США в эпоху больших данных: новые цели, новые возможности. *США и Канада: Экономика, политика, культура*. 2022. № 3. С. 98–111. [Kuznetsov N. M. U.S. diplomacy in the era of big data: New goals and opportunities. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2022, (3): 98–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S2686673022030063>
24. Фоминых А. Е. Публичная дипломатия в публичной истории: американские выставки в СССР в восприятии советских людей (1959–1991). *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2018. № 347. С. 34–40. [Fominykh A. E. Public diplomacy in public history: American exhibitions in the USSR as perceived by soviet people (1959–1991). *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovanii*, 2018, (347): 34–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yoefkx>
25. Лойко Л. В. Основы дипломатии: дипломатическая служба. Минск: БГУ, 2008. 255 с. [Loiko L. V. *The basics of diplomacy: Diplomatic service*. Misnk: BSU, 2008, 255. (In Russ.)]
26. Лебедева О. В. Современные методы и практики дипломатии. М.: Аспект Пресс, 2021. 237 с. [Lebedeva O. V. *Modern methods and practices of diplomacy*. Moscow: Aspekt Press, 2021, 237. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njmgwg>
27. Лукин А. В. Публичная дипломатия. *Международная жизнь*. 2013. № 3. С. 69–87. [Lukin A. V. Public diplomacy. *The International Affairs*, 2013, (3): 69–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/shooeh>
28. Великая А. А. Публичная дипломатия России и США. М.: Аспект Пресс, 2023. 192 с. [Velikaya A. A. *Public diplomacy of Russia and the United States*. Moscow: Aspekt Press, 2023, 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yworzp>
29. Коньков А. Е., Чуков Р. С. Парламентская дипломатия: развитие общественно-государственного взаимодействия на мегаполитическом уровне. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 1. С. 62–73. [Konkov A. E., Chukov R. S. Parliamentary diplomacy: Developing relations between society and state at the mega-political level. *Polis. Political Studies*, 2020, (1): 62–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.05>
30. Простакишина Е. В., Константинова М. А. Международный имидж КНР. *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия*. 2011. № 9. С. 75–78. [Prostakishina E. V., Konstantinova M. A. International image of Chinese People's Republic. *Rossiya i Kitai: Problemy strategicheskogo vzaimodeistiya*, 2011, (9): 75–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nuhxdn>
31. Подберезкин А. И., Жуков А. В. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций. *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 6. С. 106–116. [Podbereskin A. I., Zhukov A. V. Public diplomacy in power clash of civilizations. *MGIMO Review of International Relations*, 2015, (6): 106–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhixmn>
32. Бахриев Б. Х. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана. *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 97–105. [Bahriev B. H. Soft power and public diplomacy: Opportunities for independent Tajikistan. *Tomsk State University Journal*, 2018, (436): 97–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/436/11>
33. Боришполец К. П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития. *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 5. С. 42–55. [Borishpolets K. P. Public diplomacy in EEU region: Understanding the phenomenon and its development. *MGIMO Review of International Relations*, 2015, (5): 42–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxabyb>
34. Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов. *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 4. С. 45–56. [Lebedeva M. M. Public diplomacy in conflict resolution. *International Trends*, 2015, 13(4): 45–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.4.43.3>

35. Харкевич М. В. Военное измерение публичной дипломатии. *Публичная дипломатия: теория и практика*, отв. ред. М. М. Лебедева. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 21–35. [Harkevich M. V. Military dimension of public diplomacy. *Public diplomacy: Theory and practice*, ed. Lebedeva M. M. Moscow: Aspekt Press, 2017, 21–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zwaovh>
36. *The new public diplomacy: Soft power in international relations*, ed. Melissen J. London: Palgrave Macmillan, 2005, 221. <https://doi.org/10.1057/9780230554931>
37. Долинский А. В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии. *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. № 2. С. 275–280. [Dolinskiy A. V. Evolution of the theoretical foundations of public diplomacy. *MGIMO Review of International Relations*, 2011, (2): 275–280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nttzun>
38. Østevik M., Godzimirski J. M. How to understand and deal with Russian strategic communication measures? Oslo: NUPI, 2018. URL: <https://nupi.brage.unit.no/nupi-xmliui/handle/11250/2490552?locale-attribute=en> (accessed 4 Mar 2025).
39. Gregory B. American public diplomacy: Enduring characteristics, elusive transformation. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2011, 6(3–4): 351–372. <https://doi.org/10.1163/187119111X583941>
40. Артамонова У. З. Пандемия COVID-19: вызовы и возможности для публичной дипломатии России и США. *США и Канада: Экономика, политика, культура*. 2021. № 6. С. 89–110. [Artamonova U. Z. COVID-19 pandemic: Challenges and opportunities for Russian and American public diplomacy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2021, (6): 89–110. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S268667300015221-3>
41. Vershinin I. The role of discursive practices in public diplomacy and international relations: The case of Russia–Japan relations. *Europe-Asia Studies*, 2023, 75(9): 1560–1578. <https://doi.org/10.1080/09668136.2023.2244200>
42. Nitou C., Pasatoiu F. Public diplomacy and the persistence of the conflict and cooperation dichotomy in EU–Russia relations. *Journal of Contemporary European Studies*, 2023, 31(1): 21–34. <https://doi.org/10.1080/14782804.2022.2100983>
43. Tuch H. N. *Communicating with the world: U.S. public diplomacy overseas*. NY: St. Martin's Press, 1990, 224.
44. Назарова Р. О. Публичная дипломатия России в условиях конфронтации с Западом: проблемы и перспективы спортивной дипломатии. *Внешнеполитические интересы России: история и современность*: XI Всерос. науч. конф. (Самара, 28 апреля 2023 г.) Самара: САМАРАМА, 2023. С. 128–134. [Nazarova R. O. Russia's public diplomacy in the context of confrontation with the West: Problems and prospects of sports diplomacy. *Russia's foreign policy interests: History and modernity*: Proc. XI All-Russian Sci.-Prac. Conf., Samara, 28 Apr 2023. Samara: SAMARAMA, 2023, 128–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yziznx>
45. Fominykh A. Russian public diplomacy through higher education. *Russia's public diplomacy: Evolution and practice*, eds. Velikaya A. A., Simons G. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, 119–132. https://doi.org/10.1007/978-3-030-12874-6_7
46. Zhang C., Zhang D., Blanchard P. International broadcasting during times of conflict: A comparison of China's and Russia's communication strategies. *Journalism Practice*, 2024, 18(8): 1977–2004. <https://doi.org/10.1080/17512786.2022.2140445>
47. Zöllner O. A quest for dialogue in international broadcasting: Germany's public diplomacy targeting Arab audiences. *Global Media and Communication*, 2006, 2(2): 160–182. <https://doi.org/10.1177/1742766506061817>
48. Цветкова Н. А. Программы Web 2.0. в публичной дипломатии США. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2011. № 3. С. 109–122. [Tsvetkova N. A. U.S. web public diplomacy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2011, (3): 109–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nduowr>
49. Bjola C., Cassidy J., Manor I. Public diplomacy in the digital age. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2019, 14(1–2): 83–101. <https://doi.org/10.1163/1871191X-14011032>
50. Duncombe C. Digital diplomacy: Emotion and identity in the public realm. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2019, 14(1–2): 102–116. <https://doi.org/10.1163/1871191X-14101016>
51. Krasnyak O. Foreign ministry's spokesperson in public diplomacy: A case of Russia. *Russian Journal of Communication*, 2020, 12(2): 155–170. <https://doi.org/10.1080/19409419.2020.1780630>
52. Manor I. The Russians are laughing! The Russians are laughing! How Russian diplomats employ humour in online public diplomacy. *Global Society*, 2021, 35(1): 61–83. <https://doi.org/10.1080/13600826.2020.1828299>
53. Anholt S. Public diplomacy and place branding: Where's the link? *Place Branding and Public Diplomacy*, 2006, 2(4): 271–275. <https://doi.org/10.1057/palgrave.pb.6000040>